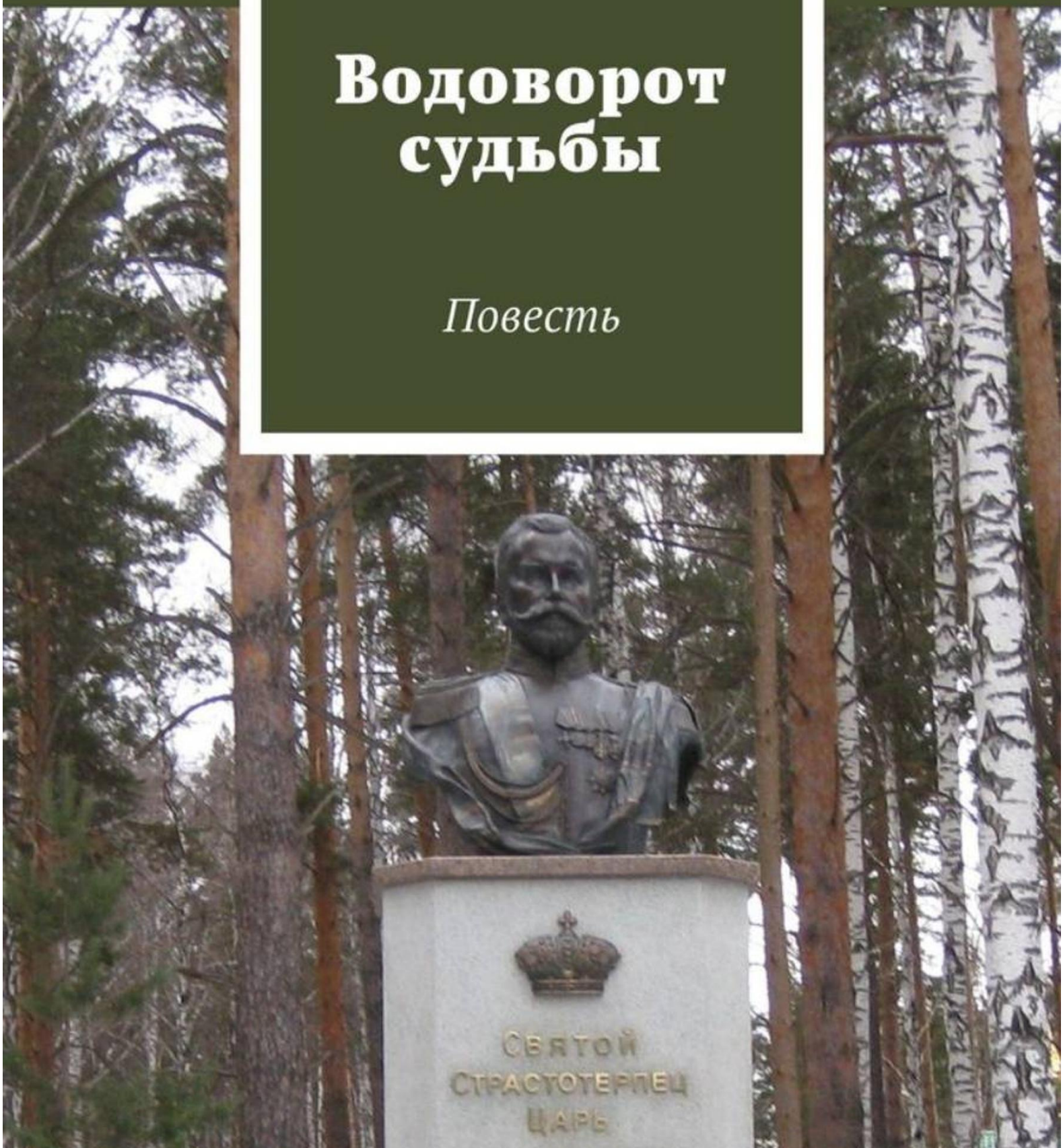
Юрий Васянин

Водоворот судьбы

Повесть



Юрий Васянин

Водоворот судьбы

«Автор»
2026

Васянин Ю. П.

Водоворот судьбы / Ю. П. Васянин — «Автор», 2026

Матвей Васильев отправился на Ганину яму, чтобы вместе с царской семьей пройти последний год их жизни. Перед глазами Матвея Васильева занавес на сцене открылся и начался последний акт трагической драмы семьи Романовых . За один день в голове Васильева пронесся целый год жизни царской семьи. Он своими глазами увидел, что Романовы с честью перенесли страшные испытания. Царская семья своей жизнью, своей борьбой и просчетами отразила целую эпоху.

© Васянин Ю. П., 2026
© Автор, 2026

Юрий Васянин
Водоворот судьбы

Глава 1

Матвей Васильев давным-давно собирался посетить мемориальный комплекс семьи Романовых и Ганину Яму в Екатеринбурге, но все откладывал из-за недостатка свободного времени. В конце концов, он махнул на все дела рукой и отправился на экскурсию.

Был рабочий день и на улицах города автомобилей было немного, поэтому молодой человек довольно быстро добрался до мемориального комплекса. Прибыв на место, Матвей вышел из автомобиля, прошел через врата и по широкой аллее направился к месту, где в 1918 году большевики закопали тела царской семьи и их верных слуг. Через несколько метров Матвей наткнулся на две мраморные плиты.

На одной из них было написано:

“Здесь скрывали от людей останки царской семьи и верных ей лиц, убитых 17.07.18 в Екатеринбурге. Останки найдены в 1978 году А. Н. Авдониным и М. С. Кочуровым. Изъяты в 1991 году при поддержке губернатора Э. Э. Росселя. Захоронены в Санкт-Петербурге в 1998 году при участии президента Б. Н. Ельцина”.

На другой плите стояла надпись:

“Эта земля содержит частицы праха императора Николая II 1868 года рождения, императрицы Александры Федоровны 1872 года рождения. Их дочерей Ольги Николаевны 1895 года рождения, Татьяны Николаевны 1897 года рождения, Анастасии Николаевны 1901 года рождения. Их приближенных Боткина Евгения Сергеевича 1865 года рождения, Демидовой Анны Степановны 1878 года рождения, Харитонова Ивана Михайловича 1870 года рождения, Труппа Аллоизиа Егоровича 1865 года рождения. Вечная им память”.

Молодой человек внимательно прочитал надписи, прошел вперед еще несколько шагов и остановился возле шпал, обложенных каменной плиткой. Матвей молча постоял несколько минут напротив большого черного креста и прошел к месту захоронения цесаревича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны, которое было огорожено металлическими столбиками и крепкой цепью. Внутри ограды стоял небольшой окрашенный черной краской металлический крест.

Матвей несколько минут постоял, не шелохнувшись, раздумывая о горькой судьбе Романовых. Ему было искренно жаль царскую семью и их слуг. Неожиданно он явственно ощутил, что сердце, как будто чем-то придавило. Молодой человек даже невольно сделал плечами движение, чтобы сбросить с него неимоверную тяжесть, но из этого ничего не получилось. Ощущение тяжести Матвея долго не покидало.

- Ну, это еще терпимо, как-нибудь перенесу.

Чтобы отдать дань глубокого уважения погибшим, Васильев склонил голову вначале перед маленьким крестом, потом перешел к большому кресту, сложил голову перед ним и, пообещав, что он еще раз придет к невинно убиенным, вышел за территорию мемориала. Едва Матвей сел в автомобиль, то у него вдруг сильно зарябило в глазах. Васильев почувствовал близость обморока, хотя до этого ничего не предвещало.

Матвей завел автомобиль, включил скорость и, нажав на газ, осторожно повел автомобиль в сторону Ганиной Ямы. Скоро Васильев остановился на площадке, где стояло несколько экскурсионных автобусов. Матвей вышел из автомобиля, захлопнул дверцу и направился в сторону Монастыря Святых Царственных Страстотерпцев. Как только молодой человек прошел под Надвратным храмом в честь иконы Божьей Матери Иверской, его состояние тут же улучшилось, как будто ничего и не было.

- Что происходило со мной? – удивился он.

И хотя Матвею Васильеву показалось, что он подумал об этом, на самом же деле он прошептал эти слова вслух. Молодой человек огляделся вокруг, удивился большому количеству храмов и неожиданно для себя решил вспомнить последний год жизни императорской семьи и вместе с ними прошагать их путь. Это не представляло для него никакой трудности. Он знал про них почти все из воспоминаний и мемуаров участников тех событий. Молодой человек всей душой и сердцем предался воспоминаниям и мысленно перенесся в Ставку Верховного Главнокомандующего…

В тот год зима выдалась суровой. В Могилеве хозяйничал холод и свирепствовали метели. Небо часто скрывалось под толстым слоем серых туч, а холодный ветер с легким визгом бился в замороженные окна.

“Зачем Алексеев вызвал меня в Ставку? Какая была в этом необходимость” – раздумывал Романов, расхаживая по кабинету взад-вперед.

Мягкий ковер глушил его крупные шаги. Когда императору надоело расхаживать по комнате, он сел за массивный стол, откинулся на спинку удобного кресла и властно перекинул тонкий листок календаря. Наступило двадцать восьмого февраля одна тысяча девятьсот семнадцатого года. В это время за окном чернело зимнее утро.

Уже несколько дней в Петрограде на Невском проспекте беспрерывно шли многотысячные митинги и демонстрации под лозунгами “Хлеба, мира, свободы”. Улицы и площади переполнились возбужденными демонстрантами, которые с красными лицами и такими же бантами на груди распевали революционные песни.

Романов в тревожной раздумчивости прикурил папиросу. Огонек от спички на секунду осветил заросшее щетиной лицо и горячие глаза императора. Воздух в комнате пропах табачным дымом, а в висках невыносимо стучала горячая кровь. Как можно устраивать революции во время войны? Вначале с Японией устроили и вот теперь с Германией. Это ж, черт знает, что! Как предательский удар из-за угла в спину.

Народ хочет перемен. А разве он ничего не делает, чтобы изменить Россию? Он же всегда отличался исключительной жаждой деятельности. Создана Государственная дума, построено множество заводов и фабрик. Растет производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, а вместе с этим и благосостояние российского народа. Может медленно происходят изменения? Так нельзя резко менять жизнь в стране, которая сотни лет жила при самодержавии. Разве можно круто разворачивать корабль на всем ходу? Судно может легко перевернуться вверх килем. Особенно такой огромный, как Россия.

На какие пойти уступки, куда развернуться, в какую сторону пойти, если со всех сторон его окружили прошлые века? Они встали перед его глазами непреодолимой стеной. Из глубины веков на него строго смотрели: Петр I, Екатерина II и его любимый отец Александр III. Это наследие тяжелым камнем висело на его шее. Ему не под силу было его одолеть. Как преодолеть внутри себя неистребимые противоречия?

Ники притушил папиросу в пепельнице, достал новую и, закурив, вспомнил последние шаги по предотвращению европейской войны. Благодаря ему прошли две мирные конференции в Гааге, чтобы избежать европейской войны. Австрии вместо того, чтобы объявлять войну Сербии, следовало на основе международных конвенций мирно разрешить возникшее противоречие, но вместо этого она предъявила Сербии неприемлемый ультиматум. Австрия словно искала повод для войны.

Разве это он начал войну с Германией? Напротив, он отчетливо понимал, что России как воздух были необходимы мир и покой. Он страстно желал, чтобы государство стало богатым и процветающим, что можно достигнуть только в мирное время. Романов всеми путями пытался избежать войну в Европе, но после того как Германия начала мобилизацию, Россия просто не имела права не замечать ее военных приготовлений. Как ответственный за судьбу

всех народов России, царь обязан был объявить мобилизацию, чтобы границы государства не остались беззащитными. В противном случае Германия могла захватить на западе обширные земли российской империи.

Только по этой причине он отказался выполнить требование Германии прекратить мобилизацию, и тогда Германия игнорируя законные интересы России, объявила ей войну. В результате старания Романова в осуществлении мира не увенчались успехом. Было бы исполнено требование Германии или нет, она все равно бы осуществила нападение на Россию. Хотя до этого никто и подумать не мог, что война между Германией и Россией могла стать реальной.

Глубокое раздумье уносило Ники все дальше и дальше. Романов прикрыл глаза и, несмотря на усталость, его голова осталась ясной. Он с выражением разочарования смотрел на происходящие события. Вскоре Романов тяжело передохнул, собираясь с мыслями. Они как потревоженный пчелиный рой теснились в его голове. Государь искал ответы на вопросы, не пытаясь оправдаться. Он хорошо понимал, чем больше будешь оправдываться, тем больше будут считать виновным во всех грехах.

И вдруг сердце Романова стиснула такая ноющая боль, что от нее невозможно было избавиться. Ее можно было вырвать только вместе с сердцем. Император томился о поддержке, но никакой поддержки не было. Взглянув на портрет семьи в красивой рамке, Ники замедленно поднялся, подошел к окну и отодвинул тяжелую занавесь.

Романова растревожила крепость народного восстания. В блуждающих мыслях царя мелькали то страна, то семья, то царская корона. Его издергали последние горячие события. Весь день он с замиранием сердца ждал обнадеживающих вестей из Петрограда, но ничего не приходило. Как там его жена, дети?

В голове Ники продолжили скакать тревожные мысли, в висках появилась тупая боль. Неустойчивое душевное состояние ввергло его в плохое самочувствие. Оглянувшись на иконостас, император вскинул широкие ладони и сдавил ими виски. Затем он с легким шорохом опустился на колени перед лампадами и стал тихо читать простую молитву. Синие глаза Романова заволоклись слезами, а на лбу крупными градинами выступил пот.

После нескольких молитв царь поднялся с колен и продолжил расхаживать в тяжелых раздумьях. Беспокойные думы полностью овладели им. Молитвы не принесли ему никакого успокоения. Он стал думать о том, что может ожидать впереди его самого, его семью и его страну. Но даже завтрашний день ни насколько не просматривался под густой пеленой будущего. Романов никак не мог избавиться от горьких и безрадостных мыслей. Спаситель лишь немного унял у него внутреннее волнение…

Конец февраля выдался сугробистым и вьюжным, последние несколько дней в Петрограде непрестанно шли сильные снегопады. Густой снег бесшумно валил на землю и деревья. Он то шел, то прекращался, то вдруг снова начинался с удвоенной силой. В последние дни снегу выпало невиданное количество. Все пространство оказалось в снежном плену из-за обильного снегопада. Он как будто решил основательно засыпать город. Почти каждый день бушевали метели, образовывая непроходимые сугробы. Из-за этого в город долго не могли доставить муку.

Вскоре начались перебои с белым хлебом и тут же возникли беспорядки, что показалось императору странным, потому что Россия осталась единственной страной, где во время войны не ввели талоны на продукты питания. Романов заподозрил, что чиновники организовали саботаж, потому что когда поставки хлеба возобновились и в газетах появились официальные сообщения, что никаких проблем с хлебом нет, то это уже никого не интересовало. Напротив, сильное брожение среди народных масс только удвоилось, а экономические требования сменились на политические. Толпа кричала лозунги “Долой царя” и “Да здравствует революция”.

Царь приказал командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову взять под охрану мосты, вокзалы, правительственные здания, почту, телеграф, перекрыть

городские улицы, но это ничего не дало. Демонстранты легко преодолели многочисленные каналы по льду и столица, потеряв покой, пришла в смятение. Хабалов принял дополнительные меры, произвел многочисленные аресты, но и это никак не сказалось на протестах.

В это же время министр внутренних дел Протопопов, обрадовавшись, что ему удалось все спихнуть на Хабалова, слал успокоительные телеграммы в Царское Село и Могилев, явно приуменьшая истинные масштабы революции. Он докладывал так, как будто в империи стояла тишь, гладь да божья благодать. Хотя за окнами наряду с метелью вовсю разбушевалась революция, а на улицах города развернулись такие ожесточенные бои с применением оружия, что его звуки достигли стен Александровского дворца.

В конце февраля обстановка в Петрограде резко ухудшилась. Столица загорелась народным волнением, как подожженная степь. Рабочие окраины ощетинились баррикадами, демонстранты стали захватывать предприятия, государственные здания и главные улицы Петрограда. В городе начались убийства, грабежи и мародерства, возникли пожары и оружейная стрельба. Полицию били и разоружали, а тех, кто пытался остановить хаос, убивали.

Сметая правительственные силы, восставшие овладели зданиями Таврического дворца, Петропавловской крепостью, Главным Адмиралтейством и Зимним дворцом. Двадцать восьмого февраля в полдень пали последние бастионы царского режима. Оставшаяся в одиночестве полиция, не смогла предотвратить надвигающуюся катастрофу. Восстание в Петрограде закончились полной победой революционных сил.

После этого положение в столице стало опасным, начались аресты людей, поддерживавших царя во время беспорядков. Подвалы многих зданий превратились в тюрьмы, они наполнились чиновниками, полицейскими, жандармами и военными офицерами. К первому марта к восставшим примкнул практически весь гарнизон Петрограда, число воинских частей верных императору почти не осталось. А те, кто еще остались верными присяге, разошлись: кто с оружием, кто без оружия. В этот же день под развернутыми знаменами из Александровского дворца ушли почти все русские полки, остались лишь две сотни казаков и батальон пехоты…

Удрученный навеянными мыслями, император всю ночь просидел в рабочем кабинете. Опустошенный и безразличный ко всему Романов сидел на диване с потухшей папиросой. Иногда он подходил к окну и, запрокинув голову, смотрел на яркую россыпь звезд. Ему не один раз становилось не по себе в пустой комнате. Он не понимал, почему на него посыпалось столько несчастий. И хотя можно было еще подремать, но царь курил одну за другой папиросы, раздумывая о горькой судьбе.

О чем только не передумал Романов в часы вынужденного одиночества. Он часто возвращался в мыслях то в прошлое, то в будущее, но больше всего он думал о своей стране, которой отдал много сил. В эту ночь Романов с безошибочным чутьем понял, что уже ничего не поможет и что уже близок конец всему привычному. Это не могло избавить его от постоянной тревоги. В голове Ники все время скакали путанные и неясные мысли. Романов не скоро забылся в легкой дремоте, он запутался в своих взаимоотношениях с окружающим миром.

Матвей Васильев тоже ни на минуту не сомкнул глаз, переживая за царскую семью. Молодой человек не мог остаться безучастным к их жизни и судьбе. Он твердо решил пробыть с Романовыми до конца. Ему хотелось бы пожелать им счастья как самому себе, но перед ним открылся занавес, и трагедия царской семьи началась.

“Можно ли было здесь сделать хоть что-нибудь? Или в страшной истории судьба распорядилась так, что ничего не изменишь?” – подумал Матвей Васильев.

Зима заканчивалась, но было еще по-зимнему холодно. Мороз жалил острыми иголками уши и щеки. Матвей явственно ощутил на себе русский холод.

Глава 2

В последние дни зимы председатель Государственной Думы Михаил Владимирович Родзянко отправил Романову несколько телеграмм, но он их проигнорировал. Не дождавшись ответа от царя, Родзянко позвонил его брату Михаилу Александровичу и сказал ему, что русский народ требует отставки Николая II, поэтому он должен взять высшую власть в стране в свои руки.

Удивленный Михаил Александрович, вежливо высказался, что вначале он должен получить на это согласие Николая Александровича. После беседы с Родзянко великий князь связался с начальником Генерального штаба Алексеевым и попросил его передать Ники, чтобы он немедленно отправил правительство в отставку и не торопился возвращаться в Петроград.

Генерал-адъютант Алексеев явился к Романову, чтобы передать просьбу Михаила Александровича.

- Я со всей серьезностью обдумываю вопрос об отставке правительства, – строго ответил Ники. – Но о том, чтобы отложить мое возвращение в Петроград не может быть и речи! Сложившиеся обстоятельства требуют моего скорейшего возвращения в столицу.

Генерал ушел от императора ни с чем, но, получив удручающую телеграмму от военного министра Беляева о катастрофической ситуации в столице, Алексеев снова явился к Романову.

Окинув его холодным и чужим взглядом, государь хмуро спросил:

- Какие у вас есть предложения, чтобы исправить ситуацию в лучшую сторону?

- Ваше величество у меня готов план подавления восстания в Петрограде. Его суть заключается в том, чтобы вначале сосредоточить сводный отряд в Царском Селе и оттуда начать наступление на взбунтовавшуюся столицу.

Поддержав предложение Алексеева, Романов с подачи генерала Дубенского назначил Н. И. Иванова командующим Петроградским военным округом. Для успешного выполнения задачи император выделил ему с фронта две бригады пехоты и две кавалерийские части общей численностью пятьдесят тысяч человек. Однако изменивших государю солдат и офицеров в восставшем городе насчитывалось около ста шестидесяти тысяч, поэтому надежда на успех выглядела сомнительно.

“Ники этого будет мало, чтобы остановить беспорядки в столице”, – предупредил мысленно царя Матвей Васильев.

Выпроводив Алексеева, Романов вызвал дворцового коменданта Воейкова.

- Предупредите свиту, что мы сегодня отбываем в Царское Село.

В тот день ветер уже ослабел и метели прекратились. Кругом стало чисто, небо очистилось и засияло холодное солнце. День засверкал новыми хрустальными красками, а свежий снег ослепительно загорел. От этого казалось, что в России по-прежнему течет привычная жизнь.

Вечером дворцовый комендант провел переговоры по прямому проводу с Царским Селом и принес Ники тревожную телеграмму от Аликс. Напряженные нервы Романова испытали трепет отчаяния. Чтобы избавиться от беспокойства, он то отдавал приказы, то тут же отменял их. Своими указами государь вносил еще большую сумятицу в беспорядок.

- Господи, лишь бы с женой и детьми ничего не случилось! – мелькнула отчаянная мысль у побледневшего императора.

Скоро из Царского Села пришел запрос: следует ли императрице вместе с детьми покинуть дворец. Романов поручил дать во дворец ответ, чтобы для его семьи поезд держали наготове и что он выезжает в Царское Село. Незадолго до отъезда государь распорядился назначить ответственное лицо за решение продовольственных и транспортных вопросов в столице.

Двадцать восьмого февраля, когда синие императорские поезда с царскими орлами изготовились к движению, к Романову неожиданно принесся Алексеев и стал его уговаривать, чтобы царь не покидал Ставку Верховного Главнокомандования. Но Ники встретил его просьбу сдержанно с едва заметной злостью в глазах.

Генерал говорил осторожно, не очень-то напирая на императора, хорошо понимая, что любой неосторожный шаг разрушит все тайные замыслы. Но Романова насторожило обращение его заместителя, потому что обстановка на фронтах оставалась без каких-либо изменений, поэтому личное присутствие государя в Могилеве не требовалось.

Оставаться в ставке становилось опасным. Заподозрив, что Алексеев замышляет что-то, Романов тем более отказался оставаться в Ставке. К тому же государю, сильно переживающему за семью, оставаться в Могилеве было выше человеческих сил. В его груди, там, где находилось сердце, давным-давно поселилась непрекращающаяся боль. Она торопила и влекла Ники к любимой семье.

Романов долгим взглядом поглядел в глаза генерала, как будто прощупывая ими генеральскую душу. Почувствовав на себе непонимающий взгляд императора, Алексеев принял на лице безразличное выражение и внимательно проследил за выражением лица Романова.

- Неужели вы не понимаете всей опасности создавшегося положения? – с нескрываемым раздражением спросил Ники и, откинув голову на спинку кресла, крепко сомкнул непослушные губы.

- Ваше величество, я вместе с вами возмущен вопиющими беспорядками в столице.

- Думаю, что вы не осознаете до конца ту опасность, которая нависла над нашей страной и народом. Я имею в виду революцию и войну, – произнес император, прикрыв утомленные глаза.

Алексеев с недоумением на лице положил руку на грудь.

- Ваше величество, я думаю, что все образуется с божьей помощью.

- Русские говорят: на Бога надейся, а сам не плошай, - с горькой усмешкой ответил Ники. – Или вы забыли эту поговорку?

Исковерканные в усмешке губы царя ясно сказали о том, что ему странно слышать подобные слова от своего заместителя.

- Мы прилагаем все силы, чтобы вернуть ситуацию в спокойное русло, – с мрачным лицом, ответил генерал-адъютант, но государю почему-то почудился в его словах иной смысл.

К этому часу Романов уже полностью проникся недоверием к своему заместителю, каким-то внутренним чутьем Ники усомнился в его преданности. В этом вопросе у него не осталось малейшего сомнения, поэтому в государе проснулась осторожность.

- Я сомневаюсь в этом, Михаил Васильевич. Вы говорите так, словно хотите туману напустить, – чуть поджав губы, обронил Ники, и Алексеев уловил в его голосе оттенок неудовольствия. - Можете быть свободными!

Романова разозлил разговором со своим заместителем. Он заметил, как переменилось лицо генерал – адъютанта. Царь хотел еще что-то сказать, но не произнес больше ни слова. В эту минуту Ники пожалел, что вовремя не заметил проделанную против него подлость. Романов все время думал, что все случилось с ним правомерно и что он, прежде всего сам виновен в происшедшем. Но после разговора с Алексеевым государь понял, что все неурядицы произошли из-за предательства тех, кому он доверял больше, чем себе. И очевидно это дело уже ничем не могло быть предотвращено.

Матвей в душе воскликнул, чтобы Романов приказал арестовать предателей генералов или они подведут его под монастырь. Но в условиях, когда в Европе полыхала большая война, император твердо решил, что не будет проливать кровь из-за генералов-предателей и что его мысли будут сосредоточены только на этом. Однако Ники ясно понимал, что выбор у него был невелик, чтобы вернуть столицу к прежней жизни.

Матвей Васильев поставил себя на место государя, чтобы понять изнутри, как бы он поступил на месте царя. Он вполне мог арестовать предателей генералов и применить силу в отношении русского народа. Но беда была в том, что Ники никогда бы не принял этих мер в

условиях войны. Ход его мыслей пришел к единственному решению: стать сакральной жертвой самому.

В полночь, когда на небо взошла серебряная луна и на искрящийся снег легли темные тени, Романов, не поддавшись на уговоры Алексеева, прибыл на вокзал, где в холодном воздухе густо поднимались дымы и светились желтые огни станционных фонарей. Удобно расположившись в вагоне, Романов вызвал к себе генерал-адъютанта Иванова.

Прибыв к императору, старый генерал лихо стукнул каблуками:

- Здравия желаю, ваше величество!

Приветливый Романов снисходительным жестом предложил генералу сесть в кресло:

– Присаживайтесь, пожалуйста!

Не помедлив, Иванов опустился в мягкое кресло.

- Николай Иудович, возглавите сводный отряд, чтобы навести порядок в Петрограде? – прикурив папиросу, негромко спросил Ники.

Вскочив на ноги, генерал-адъютант вцепился в мундир как коршун.

- Возглавлю, ваше величество, – захлебнулся чувством преданности Иванов.

- Спасибо, Николай Иудович! Я нисколько не сомневался, что вы, согласитесь.

Оправив по армейской привычке китель, Иванов робко спросил государя:

- Разрешите мне сказать собственное мнение, ваше величество.

- Я вас слушаю, генерал-адъютант.

- Ваше величество, я считаю, что одновременно с принимаемыми мерами нужно провести конституционную реформу в стране. Иного способа спасти Россию у нас нет.

Матвей Васильев сильно удивился предложению генерала Иванова. О какой демократии может идти речь, если на Земле идет мировая война. Ники не делай этого! Закончится война, и тогда ты продолжишь улучшать жизнь народов великой империи. То, что предлагают тебе, погубит твою страну, твою семью и твой народ! Народ столько лет жил в самодержавии, что быстрые шаги в сторону демократии погубят всех. Такой вопрос нужно решать медленно и разумно. Нельзя резко освобождать народ, который веками жил в узде, иначе он сметет всех.

Потирая усы, Романов отметил про себя повышенное возбуждение собеседника. Ему была ясна справедливость слов генерала. Ники и сам придавал этому вопросу большое значение, потому что со всей серьезностью воспринял революцию.

- Я раздумываю над этим, господин генерал. Вы хорошо знаете, что меня больше волнует будущее моей родины, чем личная судьба, – Ники поднес сигарету к губам, глубоко затянулся и выпустил длинную струю табачного дыма. – Однако я не уверен, что это принесет спокойствие и процветание моей стране.

- Я охотно разделяю ваше мнение, ваше величество.

Сохранив на лице невозмутимое выражение, Романов плеснул в сторону встревоженного Иванова синими глазами.

- Николай Иудович, я готов идти на любые компромиссы, чтобы утихомирить Россию, но сейчас, прежде всего, нужно восстановить порядок и спокойствие в Петрограде, потому что революция угрожает существованию государства. Еще никогда смертельная опасность не угрожала России, как в сей час.

- Ваше величество, я полностью согласен с вами.

У Ники между бровями и на лбу сложилась упрямая складка.

- Генерал-адъютант восстановите порядок в столице.

- Ваше приказание будет исполнено государь! – приложив руку к сердцу, гаркнул Иванов.

- Я надеюсь на вас, Николай Иудович.

- Ваше величество, я оправдаю ваше доверие!

- Я вам крепко верю, - с горьким чувством ответил Романов и указал вахмистру Пилипенко: - Подайте нам чаю.

Вскоре личный ординарец поставил на стол шипящий самовар с изысканным печеньем. Напившись чаю, генерал стал собираться в дорогу. Расставаясь, император и генерал крепко пожали руки друг другу.

- Только постарайтесь, все решить без единой капли крови, – с отеческой ноткой попросил Ники и притушил папиросу.

Вскинув пышную окладистую бороду, Иванов бросил руки по швам:

- Все будет сделано, как вы мне указали, ваше величество!

Напоследок Ники с тревогой обратился к Иванову с личной просьбой:

- Поторопитесь генерал, там находятся моя жена и дети.

При упоминании о семье у императора до ноющей боли сжалось сердце. В следующую секунду Ники нахмурился, чтобы избавиться от тягостных дум.

- Не беспокойтесь, ваше величество, я обеспечу их безопасность! - пламенно заверил немигающими глазами генерал-адъютант.

- Поезжайте генерал, надеюсь, что мы скоро увидимся, – грубым голосом произнес Ники и беспомощно опустил руки. – Выполните мою волю, Николай Иудович!

Государь неприметным движением потрогал усы и отвернулся, чтобы скрыть от генерал-адъютанта мучившую тревогу. Стукнув пятками, Иванов козырнул Романову и удалился, ясно почувствовав спиной долгий взгляд царя.

В пять часов утра от дебаркадера отошел первый императорский поезд с охраной, придворными, прислугой, канцелярией и железнодорожным батальоном. Через час отправился второй поезд с золотыми орлами на вагонах, уносивший с собой императора, свиту и личный конвой. Разрезая паровозами темную ночь, Романов помчался в сторону Петрограда. Неясное предчувствие гнало императора в Царское Село.

В это время Бледный Алексеев, нервничая и кусая кривившиеся губы из-за неудавшийся попытки задержать царя, не находил себе места в Генеральном штабе. Генерал-адъютант страшился, а вдруг переворот не задастся, что тогда будет?

Опасные мысли в его голове метались вспугнутой птицей. Потом в мутных глазах начальника Генерального штаба затрепыхались недобрые огни, а лицо сделалось старым и злым. У Алексеева испортилось благостное настроение, но затем к нему вернулась полная уверенность.

- Ты уже ничего не сможешь сделать, – с холодной маской на лице прошептал генерал-адъютант, посчитав, что его план восторжествовал.

Первая тревожная остановка императорских поездов случилась на станции Бологое. Офицер железнодорожного батальона сообщил дворцовому коменданту Воейкову, что дальше двигаться опасно. Взволнованный генерал-майор незамедлительно явился к царю, чтобы доложить, что впереди станции заняты революционными отрядами.

- Продолжайте двигаться дальше, – мрачно насупившись, ответил Романов, хотя его голова оставалась холодной, а в выражении глаз не присутствовал испуг.

У него еще оставались силы и бодрость. Поезда прошли выходную стрелку, светофор и быстро набрали ход. Колеса паровоза бешено завертелись.

Испугавшись известия, что Романов с Ивановым выехали в Царское Село, в столице делали все возможное, чтобы не дать возможности императору и генералу добраться до цели. С этой целью комиссар путей сообщения Александр Александрович Бубликов приказал начальникам железнодорожных станций сообщать обо всех передвижениях воинских эшелонов и императорских поездов и не пропускать без его разрешения в Петроград. За этим пристально следил инженер путей сообщения Ломоносов. Он принял все меры, чтобы Романов с Ивановым не сумели добраться до Царского Села.

Утром на станции Малая Вишера комендант Воейков разбудил Романова.

- Что случилось, Владимир Николаевич? – дрогнувшим голосом спросил император.

- Мне только что вручили телеграмму, ваше величество. Заговорщики требуют не пропускать императорские поезда! – протянув государю бумагу, доложил генерал-майор Воейков.

- Этого еще не доставало! – опасливо воскликнул государь.

Стараясь не показать своего недовольства, Романов накинул на крепкое мускулистое тело теплый халат и сонным голосом приказал:

- Владимир Николаевич, направляйте поезда в Псков, мы поедем к Рузскому.

Когда Воейков удалился, император с расшалившимися нервами зашагал взад-вперед по вагону. Потом разделся, лег в постель, однако ни сон, ни дрема его не брали, потому что сказывалась скопившаяся усталость. Через час он прикрыл смятые веки, и в его тревожных мыслях возник ноябрь одна тысяча восемьсот девяносто четвертого года.

В этот месяц состоялась его свадьба с Аликс. Родители вначале выступили против, но, почувствовав непоколебимое желание сына жениться только на Аликс, вынуждены были смириться с его выбором. Правда за это Ники пришлось дать обещание, что он взвалит на свои плечи в будущем тяжелые обязанности императора.

Их свадьба состоялась в Аничковом дворце, в день рождения его матери Марии Федоровны и всего лишь через неделю после смерти его любимого отца Александр III. Венчание прошло в Большой церкви Зимнего дворца. В этот памятный день Ники одел гусарскую форму, а Аликс серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, поверх которого была накинута подбитая горностаем золотая мантия с длинным шлейфом.

В знаменательный день народу вывалило на улицы уйма. Праздничные кареты с трудом проезжали сквозь огромную толпу. После состоявшегося бракосочетания митрополит Санкт-Петербургский Палладий вместе с членами Святейшего Синода отслужил благодарственный молебен. Свадьба прошла скромно, без излишних торжеств и свадебного путешествия.

После обручения молодожены несколько дней прожили в Александровском дворце. Между Ники и Аликс любовь была глубокой и бескорыстной, что было большой редкостью в то время для императорских семей. Они стали едва ли не единственными, кто женился по любви. Все знали, что Ники и Аликс всегда чувствовали себя счастливыми людьми. Даже время не смогло повлиять на их чувства.

Между тем синие императорские поезда, загрузившись углем и водой, без оповещения своего местонахождения двинулись в сторону Бологого. Первого марта царские поезда с золотыми орлами, тревожно стуча колесами на стыках рельс, прибыли на станцию Дно, где накануне проследовал воинский эшелон генерала Иванова.

Перед тем как покинуть злополучную станцию, старый генерал арестовал революционных солдат, прибывших из Петрограда и изъял у них оружие с личными вещами офицеров. При аресте Иванов густо бранился, угрожающе тряс широкой бородой, а затем, поставив солдат на колени, потребовал, чтобы они просили у него прощения. Получив извинения, генерал загрузил солдат в свой поезд и направился к Петербургу.

На станции Дно Романову вручили телеграмму Родзянко с просьбой об аудиенции. Государь дал на это принципиальное согласие, но из-за Исполкома рабочих и солдатских депутатов, Родзянко не смог прибыть к императору, поэтому его уведомили, что государь будет его ждать в Пскове.

Скоро Ники получил известие, что ночью Царскосельский гарнизон перешел на сторону восставших.

– Только бы моя семья не пострадала, – низко склонив голову, отчаянно прошептал Ники.

При мысли о жене и детях у императора опять заныло сердце. Его, как будто чем-то прищемило. В груди не утихая, все время стояла тугая боль. Мысли в голове Ники постоянно путались. Поняв, что ему теперь долго не уснуть, Ники поднялся, надел шинель, и вышел покурить в тамбур. Потом он вернулся в вагон, лег, но заснуть так и не смог. Проворочавшись на диване около часу, Ники встал, подошел к окну и долго смотрел на поля и леса.

Оставив императора в одиночестве, Матвей Васильев мысленно ринулся в Царское Село, куда поздний вечер явился генерал-адъютант Иванов, чтобы встретиться с местным командованием гарнизона. После встречи с военными чинами Николай Иудович понял, что со сводным отрядом затея не удалась. Выделенные императором воинские части то ли из-за предательства генералов, то ли по вине Министерства путей сообщения не смогли прибыть в Царское Село. В этих условиях немногочисленный отряд Иванова уже не имел никакого значения. Когда Иванов осознал это, над Александровским садом уже в беспорядке загорелись звезды. Они торопливо подмигивали генералу и беззвучно гасли при свете фонарей.

Как только Аликс глухой ночью доложили, что Иванов прибыл в Царское Село, она вызвала его к себе.

- Ее величество ждет вас, Николай Иудович! – передал приглашение государыни придворный.

Явившись к величавой государыне, генерал-адъютант встал навытяжку, но Романова встретила крестника цесаревича Алексея совершенно расстроенной. Чувствуя в душе разлад, она выглядела не выспавшейся. В эту ночь было особенно заметно, что в ее душе от одолевавших черных мыслей творилось полное опустошение. Императрица сильно терзалась, переживая за своего мужа.

После взаимных приветствий, первой на правах хозяйки заговорила Аликс.

- Давно не виделись, Николай Иудович, присаживайтесь.

Генерал-адъютант тяжело опустился в удобное кресло.

- Вы, наверное, проголодались, Николай Иудович? – заботливо спросила Аликс.

- Не беспокойтесь, ваше величество, я уже трапезничал!

- Но от чашки кофе я думаю, что вы не откажетесь.

По знаку Александры Федоровны дежурная фрейлина принесла ром, кофейный прибор на двоих и вкусное печенье. Она красиво расставила на столе чашки, вазы, разлила кофе по чашкам и незаметно удалилась.

- Вам с ромом, Николай Иудович? – спросила императрица.

- Если можно, то немножко, – позволил себе сказать генерал-адъютант.

Государыня долила в чашку ром и генерал-адъютант, взяв в руки чашку, с наслаждением сделал несколько небольших глотков.

- Приношу тысячу извинений, ваше величество, если б не срочное дело, никогда бы не осмелился потревожить вас в столь трудный час.

- Охотно вас прощаю, Николай Иудович, – с мукой в голосе сказала Аликс и увела разговор в совершенно другое русло. - Скажите, вы знаете, где сейчас находится мой муж? – сильно волнуясь, спросила Романова, и ее сердце замерло от ожидания ответа.

Устроившись удобнее в кресле, генерал отхлебнул глоточек кофе.

- Я думаю, что в это время его величество движется в Царское Село, – успокоил генерал и, достав из кармана белоснежный платок, прикоснулся к губам.

Романова облегченно вздохнула, с ее сердца будто камень слетел. Только это она и хотела услышать, но вспыхнувшая радость в глазах императрицы, тут же померкла.

“Рано еще радоваться. Пока муж не прибудет в Царское Село - я не успокоюсь”, – мысленно сказала себе Аликс.

За чашкой ароматного напитка императрица рассказала генералу о беспорядках в столице и все, что наболело на душе. Иванов в ответ поведал государыне, что создать сводный отряд не удалось из-за того, что восставшие рабочие разобрали пути перед эшелонами и сбили с толку солдат, после чего они перестали исполнять приказания командиров.

Выслушав генерал-адъютанта, Романова улыбнулась вымученной улыбкой и передала Иванову телеграмму Алексеева, в которой тот предлагал генералу изменить тактику в отноше-

нии восставшего Петрограда. Ознакомившись с телеграммой, генерал сердито задвигал лохматыми бровями.

- Восстановите ради Бога спокойствие в столице, - Романова возвела на Иванова измученные глаза. - Иначе опять прольется кровь, и снова все свалят на Романовых.

- Ваше величество, с этим уже ничего не поделаешь! – генерал-адъютант широко развел руки в стороны, как будто оправдываясь. - Обстановка в столице сложилась очень серьезная.

Николаю Иудовичу не хотелось противоречить государыне.

По бледному лицу государыни пробежала мелкая дрожь. Романова остро глянула в лицо Иванова, чтобы убедиться, что он внимательно слушает ее и понимает суть дела. Императрица не смогла уловить, что генерал-адъютанта в это время мучили совсем другие чувства и мысли.

Когда прошла утомительная минута Аликс произнесла:

- У меня была большая надежда на вас генерал.

- Ваше величество, я приму все меры, чтобы изменить ситуацию в столице к лучшему. Можете в этом не сомневаться, ведь вы хорошо знаете, что я за вас в огонь и воду пойду, – ответил Иванов, придав своему лицу выражение глубокой преданности.

Его слова прозвучали так твердо, что было ясно: он не один раз раздумывал над этим.

- Я в этом ничуть не сомневаюсь, Николай Иудович!

В тоне Аликс проскользнул покровительственный тон и в то же время в ее голосе прозвучала робкая надежда. В ответ генерал всплеснул руками, в эти минуты он был недоволен собой. Иванов чувствовал в душе какую-то гадливость. Ему очень хотелось сделать для этой семьи что-нибудь хорошее.

- К большому сожалению это зависит не только от меня, – сожалея, произнес Иванов.

Государыня удивилась происшедшей в нем переменой. Она хотела, что-то возразить, но вдруг сделалась серьезной. Она замолкла, боясь услышать то, чего не желала. Но ее лицо все еще выражало отчаянную решимость.

Ближайшие события покажут, что генерал-адъютант окажется прав в оценке назревающих событий. Разбушевавшееся народное море уже никому не удастся упокоить. Оно еще долго будет грозно шуметь и волноваться.

Однако Матвей Васильев засомневался в чувстве преданности генерала Иванова. Может командованию гарнизона, было уже известно о позиции генералов или оно к тому времени уже склонилось на сторону восставших, о чем они сочли своим долгом сообщить генералу-адъютанту?

Иванов на несколько секунд оцепенел, ничего не слыша и ничего не видя перед собой. Наконец генерал-адъютант поднялся, показывая, что больше не может злоупотреблять драгоценным временем императрицы. Одновременно с ним встала Романова, продемонстрировавшая своим видом дань глубокого уважения к Иванову.

Почтительно поклонившись, генерал-адъютант приложил бледные уста к дрожащей руке государыни.

- Я был рад Вас видеть, ваше величество, – подчеркнуто вежливо обмолвился Николай Иудович - Будьте спокойны, все уладится как нельзя лучше.

Решительное лицо Иванова выразило максимальную преданность. Генерал как мог воздавал уважение государыне.

- Двери нашего дворца всегда открыты для вас, Николай Иудович, – попрощалась полная отчаяния императрица и, едва сдерживая слезы, одарила генерал-адъютанта Иванова благосклонной улыбкой. – Попытайтесь сделать хоть что-нибудь или грянет большая беда.

Иванов, потупив глаза, переступил с ноги на ногу. Он решительно не знал, что ему делать. Когда лакеи подали ему одежду, Николай Иудович бесшумно удалился. Не исполнив своего обещания, генерал-адъютант отправился в Ставку Верховного Главнокомандующего. Хотя он хорошо знал, что государыня любила, когда ее просьбы выполнялись не задумываясь.

Последнее время Аликс часто одолевали непривычные мысли, которые одолеть с ходу было очень сложно. Погруженная в горькие раздумья государыня была ошеломлена. Напряженные нервы Аликс не выдержали многодневной тревоги. После взволнованного разговора с Ивановым она села в угол дивана и не в силах больше сдержаться, безмолвно разрыдалась. Причиной страшного смятения стала полная неизвестность будущего. Вспыхнувшие щеки Аликс стали мокрыми от слез, из-за них она не овладела собой.

В эту ночь строгое лицо женщины осунулось, а вокруг глаз появились темные тени. Аликс охватило ощущение неотвратимого горя. Наревевшись вволю, государыня легла спать, но сон никак не приходил. И хотя слезы немного очистили ее душу, омраченную острым чувством растерянности, но она никак не могла понять, почему в русской армии не нашлось ни одного полка, кто бы мог выступить против крушения великой империи и отстоять честь своего императора. Лишь на рассвете императрица смогла кое-как успокоиться и заснуть.

Утром первого марта к зданию Государственной Думы с красными знаменами и стягами подошли воинские части, чтобы присягнуть на верность новой власти. Члены Временного Комитета восторженно благодарили русских солдат и офицеров за измену своему Верховному Главнокомандующему.

Матвей из Царского Села поспешно возвратился к Николаю Александровичу. Он снова перенесся в императорский поезд и удобно разместился в вагоне, но так чтобы не причинить никаких неудобств его главным пассажирам. Матвей сидел ссутулившись, а его волосы торчали во все стороны.

Глава 3

Весна уже наступила, но в природе еще не ощущалось никаких изменений. Когда вечером первого марта, когда императорский поезд с царскими орлами прибыл в Псков, стало чуть теплее. На перроне Романова встречали губернатор, чиновники и свита с императорского поезда.

Генерал-адъютант Рузский позволил себе прибыть к поезду с опозданием и без почетного караула. Не увидев пышной встречи, свита стала возмущенно перешептываться и недоуменно пожимать плечами. После дерзкой выходки генерала она посчитала такой прием его величеству оскорблением.

Невысокий седой генерал, нарочито замедленно прошел к поезду и, бросив неприязненный взгляд на царскую свиту, исчез в вагоне императора. Перед Романовым генерал привычно выпятил грудь и вытянулся, чтобы казаться более воинственным. После обмена приветствиями государь рассказал генералу, о возникших перипетиях в дороге и пригласил генерал-адъютанта на обед.

Когда Рузский простился с Романовым и выскочил из вагона, свита бросилась к нему с расспросами.

- Николай Владимирович, вы против революции?

- Армия сейчас всецело занята войной.

- Господин генерал, вы будете нас защищать?

- Для вас будет лучше, если вы сдадитесь на милость победителей.

Похолодевшая свита в ужасе переглянулась.

- Что-о-о? Вы даже честь императора не станете отстаивать?

- Вы не с того голоса начали песню! Как вы можете так говорить?

Едва Рузский ушел восвояси, царская свита поняла, что им не стоит питать иллюзий насчет командующего Северным фронтом, потому что никакой поддержки с его стороны не будет. Среди придворных раздались возгласы изумления и тревоги. Свиту поразило то, что они услышали от Рузского. Они поняли, что скоро произойдет беда.

Царская свита собирались за стол долго и нудно. На обеде император почти не притронулся к еде. Ему было не до этого и сон, и аппетит у него пропали. Но от чашки чая он все же не отказался. Скоро Романов встал из-за стола, притронулся салфеткой к губам и, обведя тусклым взором лица присутствующих, остановил свой взгляд на Рузском.

- Я буду ждать вас через час, – строгим голосом объявил ему Ники и быстрым шагом покинул вагон-столовую.

Обед в отсутствии императора прошел уныло и скучно. Свита, не испытывающая голода, ела так, как будто весь день работала на свежем воздухе. Вытирая обильный пот, они вполголоса вели непринужденные разговоры о погоде, о скорой весне и старательно избегали упоминаний о революции. Как только разговоры наскучили, свита уткнула сосредоточенные глаза в тарелки и умолкла.

После обильной трапезы командующий Северным фронтом явился в зеленый кабинет императора.

- Разрешите войти, ваше величество?

- Входите, Николай Владимирович, – с властью в голосе разрешил Ники. - Доложите обстановку в столице и на фронте.

- Ваше величество, сказать, что обстановка в Петрограде осложнилась – это не сказать ничего. Она близка к катастрофе. Сегодня восстание охватило Москву и Кронштадт.

Ники поймал себя на мысли, что он потерял ощущение реальности от происходящего. Покосившись в сторону Рузского, он неприметно поморщился. Во время доклада адъютант Рузского принес телеграмму из Могилева от генерал-адъютанта Алексеева, в которой он просил от императора высочайшего акта, чтобы успокоить ситуацию в стране и назначить ответственное правительство во главе с Родзянко. После прочтения телеграммы император понял, что теперь ему больше не на кого опереться. Без надежной поддержки ему трудно будет одолеть заговорщиков. К тому же министр внутренних дел и военный министр не подавали никаких надежд, что смогут справиться с возникшими беспорядками в Петрограде, Москве и Кронштадте.

Начались сложные переговоры по выходу из сложной политической ситуации, возникшей после волнений в столице. Рузский с горячностью стал доказывать Романову о необходимости реформ и назначении ответственного перед Государственной Думой правительства. Однако над императором довлели тяжелые раздумья. Ему было нелегко решить с одного маха сложный вопрос. Идет большая европейская война - как он может в этих условиях отойти от государственных дел и горячих дел? Это же сродни предательству.

В течение нескольких часов Романов раздумывал над острой проблемой.

“Только не отрекайся, Ники! – горячо шептал про себя Матвей. – Отречение погубит тебя, твою семью, а империи принесет неисчислимые страдания. В стране возникнет хаос и погибнет огромное количество людей”.

Но император уже давно все решил для себя.

Переговоры оказались настолько трудными, что они несколько раз прерывались и закончились только поздней ночью. Не выспавшийся Романов решил, что в условиях, когда кругом измена, трусость и никто из членов Дома Романовых не поддержал его, он должен уступить заговорщикам. В конце переговоров Ники объявил, что если от него требуется пойти на уступки, то он готов это сделать. Но перед тем как взойти на престол, царь давал клятву Богу, поэтому только перед ним он может нести ответственность за состояние дел в России.

Однако, император никак не может понять, как он может быть ответственным за дела в стране, если передаст власть правительству? Тем более людям, чьи способности ему хорошо известны. Романов готов только на то, чтобы назначить Родзянко премьер-министром с правом выбора в свой кабинет нескольких министров. После того как генерал-адъютант Рузский поддержал его решение, император поручил отпечатать в канцелярии на телеграфном бланке

Манифест. Когда готовую бумагу принесли, Ники подписал ее и подал прочесть Рузскому. Генерал-адъютант цепко ухватился за бумагу обеими руками и, его лицо, изображая лихорадочную работу мысли, до невозможности раскраснелось.

Посчитав, что все вопросы решены, император вызвал к себе Воейкова.

- Владимир Николаевич, срочно отправьте телеграмму по телеграфу Юза Родзянко и постарайтесь как можно скорее получить от него согласие возглавить правительство.

- Есть, ваше величество!

Воейков кинулся исполнять указание Романова.

- Задержитесь на одну минуту! Запросите от Родзянко последние сведения об обстановке в столице.

- Я прошу отдать телеграмму мне, ваше величество, – вдруг невежливо встрял Рузский.

Император возвел на него удивительно синие глаза и тоном, исключающим все возражения, приказал Воейкову:

- Владимир Николаевич, передайте телеграмму генерал-адъютанту.

Взяв в руки бумагу, Рузский вопросительно посмотрел на Романова.

- Что-то еще, Николай Владимирович? – недовольно спросил Ники.

- Ваше величество, прикажите Иванову, чтобы он остановил действия против Петрограда.

- В ближайшее время я распоряжусь направить ему телеграмму с указом, - ответил Романов и его лицо сморщилось.

Государь всеми силами старался удержать на лице бодрое выражение, хотя на сердце у него скопилась тягучая тоска. Генерал же опустил глаза вниз, чтобы скрыть от царя необыкновенную радость.

- Да поможет нам Бог! Жду вас утром, Николай Владимирович, – строго произнес Ники и, пристально поглядев в глаза Рузского, тихо добавил. – Я хотел бы, чтобы вы опубликовали Манифест в печати.

- Ваше величество, я непременно исполню вашу просьбу, – ответил с подозрительной осторожностью генерал и, поджав губы умолк.

На этом переговоры закончились. Оставшись в одиночестве, Романов быстро набросал текст на телеграфный бланк, и в первом часу ночи в адрес генерал-адъютанта Иванова была отправлена телеграмма с приказом, чтобы он прекратил действия против восставшей столицы.

Романов до самого утра не мог отвязаться от горячих мыслей и ярких воспоминаний из прошлой жизни. Черные думы вконец обуяли его, а сердце трепыхалось, как голубь в чужих руках. Из его ума никак не уходила большая семья. Он долго молился, целовал фотографии жены, детей и заснул только, когда на востоке уже появились предвестники скорого рассвета. Романов остался наедине со своими мыслями и ощущениями. Он думал, что утром все решится, как нельзя лучше.

С первыми солнечными лучами Рузский, связался с Родзянко по прямому проводу и рассказал ему о результатах переговоров с Романовым.

- Манифест запоздал, теперь речь может идти только об отставке Романова, – резко ответил ему Родзянко.

- Мне будет трудно сообщить об этом царю.

- Нам в столице не легче, Николай Владимирович.

- Я с большим трудом убедил Романова, чтобы он согласился сформировать ответственное правительство.

- Поздно спохватился Николай Александрович, слишком много воды утекло.

- В таком случае кто возглавит Россию?

- Его сын Алексей при регентстве великого князя Михаила Александровича.

- Как бы беды не вышло - война ведь идет.

- Война нами уже практически выиграна.

- Но она еще не закончена.

- Это вопрос ближайшего времени.

- Вы заблуждаетесь в своих мыслях. Мне думается, что вы играете с огнем.

- Николай Владимирович, на чьей стороне будет армия?

- Армия не будет вмешиваться во внутренние дела государства. Ей сейчас не до этого.

- И все же? С народом или с Романовым?

- Армия во время ведения войны с народом воевать не будет, потому что это не ее дело, – повторил генерал-адъютант и поспешил распрощаться.

“Никуда вы от нас не денетесь. Вашими руками мы сковырнем Романовых с русского престола,“ - удовлетворенно подумал Михаил Владимирович.

В этот же день Рузский проинформировал Алексеева о разговоре с Родзянко.

- Я вас хорошо понял, – мягко ответил начальник Генерального штаба. - Будем действовать сообща.

На востоке России уже взошло негреющее солнце и наступило ликующее утро. Поля и перелески под весенними лучами заблестели свежими красками.

Поздним утром второго марта не выспавшийся и злой Рузский явился к бледному императору и, щелкнув каблуками, горестно покачал головой:

- Ваше величество, я переговорил с Родзянко, и он мне объявил, что теперь одних уступок будет недостаточно, потому что обстановка в Петрограде резко изменилась. В столице подняли династический вопрос.

Романов взволновано заходил взад-вперед по вагону. Его фигура явственно выразила горестное недоумение. Генерал отлично понял, что могло стать причиной волнения государя. Всегда сдержанный император не находил себе места. Несколько мгновений стояла тишина, Ники что-то обдумывая, молчал. На измученное от бессонницы лицо легла темная тень.

Генерал-адъютант молча подал Ники бумажные ленты переговоров с Родзянко и Алексеевым с аппарата Юза.

- Присаживайтесь, Николай Владимирович, в ногах правды нет, – сухо обронил Романов, и, бегло просмотрев узкие полоски, брезгливо отодвинул их от себя.

- А что вы думаете по этому вопросу, господин генерал?

- Ваше величество, нельзя допустить, чтобы армия развалилась, и чтобы всю страну охватила революция, – угрюмо проговорил генерал и, поправив дрожащей рукой пенсне, добавил, - Во имя спасения России вы должны пожертвовать всем и даже собой.

Отвернув глаза в сторону, генерал-адъютант недоуменно замолчал.

Наступила решительная минута трудного разговора. Государь нахмурил брови, слова Рузского поразили его, разговор принял совсем другое направление. Ники пытался найти решение трудного вопроса и не находил его. Из его глаз исходил тревожный свет.

- Отречься от престола? – удивленно приподнял брови Ники. - Вы так считаете, господин генерал?

Рузский промолчал на слова, которые прозвучали отчаянным криком.

- Ну, так что же, говорите! – воскликнул бледный Романов и по его лицу разлилась тревога.

В душе государя поднялась досада, ему сделалось не по себе.

- Я считаю, что надо спасать Россию, иначе она погибнет, – ответил генерал и усиленно проследил за выражением лица императора.

Романов кинул на Рузского обжигающий взгляд и, заложив руки за спину, отошел к окну. Несколько минут он просто стоял в полном молчании. Пауза стала угрожающе длинной. Романову стало тяжело от этого молчания.

- Смогут ли казаки изменить ситуацию в лучшую сторону? – наконец спросил с жаром Ники.

Генерал-адъютант снял пенсне и взглянул на царя широко расставленными глазами.

— Это ничего не даст, ваше величество. Единственным и правильным решением будет, если вы передадите власть вашему сыну Алексею при регентстве вашего брата Михаила Александровича, – звучным голосом ответил Рузский и его глаза завиляли, как у хитрой лисы.

Отвернув в сторону строгие глаза, Романов вспыхнул. Царь сидел в задумчивой позе и выглядел сильно бледным. Бледность на его лице проступала даже сквозь прошлогодний загар.

- В таком случае я хочу знать мнение всех командующих фронтами по этому вопросу.

Рузский попытался поймать взгляд государя, но он не глядел на него.

- Ваше императорское величество, я должен вам сообщить, что даже ваш личный конвой присягнул Временному Комитету.

Никак не проявив своего состояния, государь остался спокойным. Редкое спокойствие и способность взвешивать свои слова были даны Романову от рождения. Но кто знает, что творилось в это время в его душе. Однако без всякого сомнения его потрясло известие об измене личного конвоя. Император с большим трудом смог овладеть собой, чтобы не показать генералу своей растерянности. У него довольно быстро образовался прежний порядок мыслей и представлений о происходящем. Он не хотел показаться слабым перед заговорщиками.

- Я хочу знать, что думают по этому поводу командующие фронтами. Можете идти, Николай Владимирович! Жду вас с их ответами.

На этом император и генерал, не прощаясь, расстались. Романов после ухода Рузского сидел, понурив голову, и без всяких мыслей. Черты его лица исковеркались в гримасе презрения. В таком состоянии он находился продолжительное время.

Плохое настроение Романова передалось Матвею Васильеву.

“Ники тебе нужно было арестовать их”, - с сожалением подумал Матвей.

Однако в душе Васильев сознавал, что у императора других вариантов на тот момент не было. Что можно было сделать на месте царя? Пролить русскую кровь в тылу или сменить командующих фронтами и начальника Генерального штаба? В то время, когда по всей линии фронта ситуация стабилизировалась? А победа над Германией была практически выиграна? Матвей был твердо уверен, что Ники никогда бы не принял этих решений. Это была драма семьи Романовых, и она стала катастрофически развиваться.

В тот же день Рузский сообщил Алексееву о просьбе Романова и тот без промедления оповестил всех командующих фронтами, чтобы они прислали в Ставку собственные мнения насчет отставки Николая II. Ответили все, кроме командующего Черноморским флотом А.В. Колчака. Адмирал, извещенный, о проведении плебисцита своего ответа не прислал. Своим поступком А.В. Колчак показал полное пренебрежение к императору.

В коротких ответах командующие фронтами за исключением командующего гвардейской кавалерией хана Нахичеванского высказались за отречение царя от престола. Русские генералы, не задумываясь, решили судьбу императора и поставили народы России на край пропасти. Но будущее покажет, что это решит и судьбу многих из них. Позже они пожалеют о том, что сотворили собственными руками, но будет уже поздно, к тому времени слишком много воды утечет.

Между двумя и тремя часами пополудни, генерал-адъютант Рузский в сопровождении генералов Данилова и Савичева снова явился к Романову, и вывалил на стол целую кучу телеграмм. Поменявшись в лице, Ники стал поочередно брать их в руки и, беззвучно шевеля губами, начал мучительно читать их. Император не верил своим глазам и тому, что было написано в телеграммах. Можно было подумать, что он заучивал их.

Романова ошеломили ответы командующих фронтами. Понимая, что произошло, Ники словно окаменел. У него закружилась голова, а в глазах появились темные пятна. И вдруг вся

жизнь замелькала бесформенными клочьями. Ники никак не ожидал, что прочтет в телеграммах страшные слова. Как его генералы могли так поступить? Как они могли изменить присяге? Как они могли предать его? Ведь он верил им, как самому себе. Разве можно поступать так во время ведения войны? У него это в голове не укладывалось.

Особенно государя потрясла телеграмма вице-адмирала Непенина, которого он очень уважал и ценил, как выдающегося морского начальника. Впервые Романов не смог скрыть своего сильного душевного потрясения. Его лицо покраснело, а глаза загорелись лихорадочным блеском. В голове Романова возникло много непривычных и горьких мыслей. Внутренним чутьем император понял, что ему не удалось избежать великих потрясений. Паразитическое окружение подточило и разложило его самого. Но что теперь будет с Россией?

Наступило продолжительное молчание, Ники охватило негодование. Наконец Романов вскинул глаза на Рузского и, сохранив величественный и достойный вид, сказал, что он пойдет на все что угодно ради спасения России, и что он готов отдать власть, чтобы избежать большой крови, но его сдерживает то, что это решение могут не принять армия и казаки.

Глаза государя выразили такое сосредоточение, какое бывает у человека, поглощенного одной мыслью. Твердое лицо Романова светилось глубокой раздумчивостью. Ему не хотелось соглашаться с командующими фронтами. Заложив руки за спину Ники прошелся взад-вперед.

Рузский с выражением нетерпения взглянул на царя.

- Мне хотелось бы знать, хочет ли русский народ моего отречения? – произнес Романов.

В ответ Рузский предложил императору выслушать мнение сопровождавших его генералов и они дружно высказались, что Романов должен уйти в отставку. И хотя офицеры хмурились, но в душе они были бы рады услышать согласие императора.

Посчитав, что разговор принял нужное направление, Рузский хранил благоговейное молчание. Стало необыкновенно тихо, но тишина продолжилась недолго.

Через минуту Романов в тяжелом раздумье выпрямился во весь рост, вскинул вверх подернутую легкой сединой голову и, точно решившись на что-то ответственное, громко признался:

- Я еще вчера принял решение отказаться от престола.

Император обронил это таким тоном, будто перешагнув через какой-то барьер, и словно на него неудержимо надвигалась пропасть. Его почти сковало цепенящее чувство бесконечного падения. Романову не было безразлично, что будет через час, через день или через год с его страной.

После последних слов Ники генералы торжественно перекрестились.

- Благодарю вас за доблестную и верную службу, – с явной иронией сказал Романов.

После объявления об отречении Ники вышел из вагона и, скоро вернувшись, подал Рузскому две телеграммы и спокойным голосом попросил отправить их Алексееву и Родзянко.

Вскоре из Петрограда командующему Северным фронтом Рузскому пришло сообщение, что для переговоров с Романовым в Псков направились член Временного Комитета Александр Иванович Гучков и бывший член Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин.

Рузский немедленно доложил Романову о предстоящем приезде делегатов.

- Когда они приедут, сразу же приведите их ко мне, – твердо и повелительно обмолвился Романов. - Я не уеду в Могилев, не переговорив с ними.

- Слушаюсь, ваше императорское величество, – ответил Рузский и отправился в специально выделенный для него вагон в царском поезде.

По пути генерал-адъютант предупредил скороходов, чтобы нежданных гостей привели вначале к нему.

Узнав, что император принял решение отречься от престола, свита полная страха кинулась отговаривать государя от трагического шага. Она буквально умоляла Романова изменить свое решение и убедительно просила, чтобы он остановил отправку телеграмм. Кому-то даже

сделалось плохо, но Ники был неумолим. Колебания в душе государя решились в пользу тех, кто добивался его отставки. На лице Романова отражалось невозможность изменить это решение. Отбившись от свиты, Ники вызвал к себе Сергея Петровича Федорова.

- Скажите мне начистоту, до какого возраста сможет прожить мой сын? – тихо спросил государь.

- Не больше шестнадцати лет, ваше величество, – уверенно ответил профессор медицины.

На бледном лице Романова сбежались страдальческие морщины.

- У Алексея есть шансы прожить долго?

Сергей Петрович сокрушенно развел руками:

- Ваше величество чудес не бывает. Во всем мире не было ни одного случая.

Приветливое лицо Романова опечалилось, профессор снова подтвердил, что врачебная наука бессильна перед наследственной болезнью цесаревича.

- В таком случае мне придется посвятить свою жизнь Алексею, – не глядя на Федорова, сказал Романов.

- Ваше величество, если вы передадите власть вашему сыну при регентстве великого князя Михаила Александровича, то ему придется жить у него, – возразил профессор.

- Мне будет трудно жить без Алексея! - с болью воскликнул Романов

- С этим ничего не поделаешь, ваше величество, - горестно сказал Федоров.

В расширившихся глазах императора появилось выражение отчуждения.

- Я ни за что не отдам его в руки жены моего брата! – вскрикнул Ники, кусая губы от бессилия.

- Тогда вам нужно принять иное решение.

Государь тяжело вздохнул и внимательно поглядел на него.

- У меня еще есть время подумать, – ответил Романов и дрогнувшим голосом добавил. - Можете идти, Сергей Петрович

Когда Федоров оставил императора в одиночестве, государь тяжело опустился в кресло, затем откинулся на мягкую спинку, и в синих глазах Романова заплескалась непереносимая боль. Затем Ники с жалостью посмотрел на портрет цесаревича и его подернутые слезами глаза скрылись под нависшими бровями.

Романов понимал безысходность своего положения, от произошедшего невыносимо стучало в висках. Он страшился быть могильщиком Дома Романовых, но стать виновником гражданской войны для него было еще страшнее.

Неужели наступает трагический конец?

“Ники не сдавайся без боя. Попытай свое счастье в борьбе с предателями. К сожалению, иначе нельзя. Человек должен уметь защищаться”, – убежденно обмолвился Матвей.

- При чем здесь кто кого? Что я могу сделать в этих условиях? – страдальчески крикнул Романов. - Идет большая европейская война. Гражданская война будет самоубийством для России. Я больше не могу взять на себя ни одной капли русской крови. Одной даже мысли об этом боюсь.

Поздним вечером холодный воздух огласил свист паровоза. На стыках рельс простучали железные колеса. На станцию прибыл экстренный паровоз с одним вагоном. В этот час по перрону крутилась легкая поземка и фонари, раскачиваемые ветром, отбрасывали по сторонам то свет, то тени. Окружающие постройки, деревья и вагоны скрыла темнота.

Гучков с Шульгиным выскочили на перрон, пугливо оглянулись по сторонам и увидели ярко высвеченный императорский поезд. Делегаты заметно занервничали, опасаясь за свою жизнь. И вдруг из темноты вырос молчаливый и мрачный флигель-адъютант Анатолий Александрович Мордвинов. Тусклый фонарь осветил побледневшие лица делегатов. Делегаты протянули полковнику свои руки, но тот сделал вид, что ничего не заметил.

Вместо приветствия Мордвинов сердито возвел глаза на нежданных гостей и, задыхаясь от гнева и бессильной злости, приказал:

- Следуйте за мной!

Опустив головы, делегаты покорно двинулись за полковником к поезду с царскими орлами. Мордвинов привел Гучкова с Шульгиным сразу же к Романову, проигнорировав просьбу Рузского. В ярко освященном салоне делегатов поджидали министр императорского двора Владимир Борисович Фредерикс и начальник походной канцелярии Кирилл Анатольевич Нарышкин.

Через непродолжительное время в вагон явился император в нарядной казачьей форме и побледневшие в один миг Гучков с Шульгиным, приняли почтительные позы и кинули руки по швам. Романов мягким жестом руки пригласил их присесть за небольшой столик и присел сам. Одновременно два человека из свиты встали за дверями с разных сторон вагона, чтобы исключить случайное появление ненужных людей.

Нарышкин вынул из широкого кармана блокнот и приготовился вести стенографию. Государь держался прямо, собрав всю волю в один комок, чтобы не поддаться слабости. Не скрывая своего презрения к собеседникам, Романов внимательно оглядел их и спокойно прикурил папиросу.

Государь почувствовал за собой внутреннюю правоту и силу. Его побледневшее лицо приняло властное выражение. Стараясь сидеть неподвижно, он сохранял спокойствие и непринужденность. Заметив пристальный взгляд царя, делегаты смешались. Короткое молчаливое единоборство закончилось в пользу Ники.

Не меняясь в лице, Романов оставался собранным, и лишь пульсирующая вена на виске выдавала в нем сильное внутреннее волнение. Ничего не заметив, Гучков с Шульгиным были поражены его внешним спокойствием. Недолгое молчание государя показалось делегатам таким грозным, что они сдали и обмякли. Ники продолжил смотреть на них испытующе и без тени улыбки. Делегаты почувствовали себя неуютно под строгим взглядом Романова. Стало так тихо, что в ушах зазвенело.

- Цель вашего визита, господа?

Государь постарался придать голосу, как можно больше повелительности и строгости. Делегаты к этому времени уже поняли, что после согласия царя отречься от престола они могут вести с ним прямой разговор. Однако Романов не был куском глины, из которого можно было лепить что угодно.

Гучков вжался в спинку кресла и неуверенным голосом начал говорить о сути дела. Он поведал Ники, что он приехал с членом ГД Шульгиным, чтобы доложить Романову о том, что произошло в Петрограде за последние дни и посоветоваться, как теперь всем сторонам конфликта выйти из создавшегося положения. В конце речи Гучков сказал, что если народ считает, что тяжелая ситуация в стране возникла по вине верховной власти, то тогда нужно издать какой-нибудь акт, чтобы успокоить Россию. Закончив говорить, Гучков искоса взглянул на Романова, чтобы прочесть на его лице хоть что-нибудь.

Матвей Васильев усмехнулся про себя. Как будто не было до этого времени убийства царя Александра II и многих царских служащих. Молодой человек с недовольством покачал головой: - “Разве никаких действий по дестабилизации верховной власти с другой стороны не было?”

Неожиданно в вагон, поигрывая снятыми очками, ввалился недовольный Рузский. Он склонился над Шульгиным, что-то ему прошептал и тихо присел в сторонке. Генерал молчал и щурясь смотрел вокруг себя. Его лицо было напряженным, он будто думал о чем-то неразрешимом. Выпятив грудь, генерал-адъютант постарался быть строгим и сосредоточенным. Он сидел, вытянув шею, словно что-то напряженно выжидая.

Опасливо поглядывая на государя, Гучков видимо еще толком не зная, чем все может обернуться и насколько это будет трудно, когда придет пора действовать, продолжил говорить. Он сказал Романову, что прежде, чем принять какое-нибудь решение, ему следует хорошо подумать и помолиться, но решить этот вопрос нужно к завтрашнему дню, потому что в Петрограде от них с нетерпением ждут известий.

Не обратив на Рузского внимания, государь притушил в пепельнице папиросу и прикурил новую. Затем Романов окинул беглым взором делегатов и, отчеканивая каждое слово, ответил, что он уже обдумал этот вопрос и во имя блага, спокойствия и спасения России, царь готов отречься от престола. Но из-за нежелания разлучаться с Алексеем, государь принял решение и за своего сына, поэтому желает передать престол Михаилу Александровичу. В конце переговоров Романов заявил, что делегаты примут его решение и поймут отцовские чувства.

Не изменив спокойного лица, Романов возвел синие глаза на делегатов и те, недоуменно переглянулись, будто он сказал что-то неуместное, хотя Ники четко закончил свою мысль. Не ожидая подобного ответа, Гучков с Шульгиным растерянно закивали тяжелыми головами. Заявление государя застало их врасплох. Они не знали, что им теперь делать. Имеет ли право государь отрекаться от престола за наследника? Но Гучков быстро пришел в себя и ответил, что делегаты охотно разделяют его отцовские чувства и готовы принять его волеизъявление.

Делегаты желали, как можно быстрее перейти от слов к делу. Вытерев обильный пот со лба, Гучков протянул императору заготовленную бумагу. Наклонившись вперед, Шульгин не спускал глаз с царя.

- Мы уже подготовили акт о вашем отречении, его можно прямо сейчас оформить.

Матвей Васильев почувствовал, как его сердце вначале дрогнуло, а затем вновь застучало в привычном ритме, но боль уже распространилась по всему телу.

“Ники не подписывай отречение!?” – мысленно воскликнул Матвей, зная, чем все закончится, но император уже принял твердое решение, и драма семьи Романовых продолжила развиваться по наихудшему сценарию. Васильеву не подвластно было изменить ход истории. Он мог только прошагать вместе с царской семьей на Голгофу.

- Я напишу свой акт, – дрогнувшим от гнева голосом произнес Ники и оторвал сосредоточенный взгляд от бумаги.

Подавив в себе злость, Романов по-прежнему говорил миролюбиво. Правда, он возвысил голос с такой силой, что депутаты, задрожав, невольно привстали. Удивленно приподняв брови, император так презрительно посмотрел на них, что они молча присели. Гучков с Шульгиным опять страшно затрусили. Оказалось, что быть готовым осуществить задуманное и реализовать на деле это абсолютно разные вещи.

Император посуровел лицом, а на бледных щеках заиграл легкий румянец. Он снова посмотрел на депутатов пристальным взглядом и его брови грозно сошлись на переносице. Царь почувствовал, что жизнь начала отворачиваться от него. Но Ники многое повидал в жизни, поэтому знал, как владеть собой. Он понимал, что в сей час решается его судьба, судьба семьи и судьба государства.

- Однако вместе с этим я должен быть уверен, что вы подумали о том, что мое отречение от престола не приведет страну к катастрофе. Вы понимаете, что теперь ответственность за судьбу народов России ляжет на вас?

Романов постарался придать своему гордому голосу большей властности. Это был тот миг, когда у него сами собой сжались кулаки. Ники все знал об их способностях, поэтому смело ринулся в неизвестный мир борьбы.

- Я могу вас твердо заверить, что все пройдет мирно, – с лихорадочной дрожью обмолвился Гучков, так и не преодолев робость перед царем.

- А если казаки поднимут бунт против вашей власти? – с тревогой в голосе спросил Романов, но Гучков с Шульгиным восприняли его рассудительный тон по-своему.

Делегаты испуганно взглянули на государя.

- Мы думаем, что ничего не случится, потому что казаки полностью поддержали новую власть, – с уверенностью в голосе ответил Гучков.

Романов выслушал его ответ с тупой болью в сердце и еле сдержался, чтобы не ответить резко.

- Вы находитесь в заблуждении, поэтому я говорю с вами, как с глухими. Своими непродуманными действиями вы можете ввергнуть страну в страшный хаос. Вспомните о Боге, не берите грех на душу, - подчеркнуто спокойно сказал Ники.

Гучков хотел что-то возразить Романову, когда он говорил, но Ники еще больше возвысил голос и тот вынужден был замолчать. Холодный и строгий тон государя поразил депутатов.

Глубоко затянувшись, Романов выпустил дым, потом придавил папиросу в пепельнице и вместе с Фредериксом отправился в вагон-канцелярию, чтобы лично составить Манифест о своей отставке. Через один час император с официальным видом вернулся и подал Гучкову отпечатанный лист. Он бережно взял в руки бумагу и торжественно прочитал про себя.

По просьбе делегатов Романов подготовил еще несколько важных бумаг: последними указами император уволил прежний состав Совета министров, назначил новым председателем правительства князя Львова и утвердил Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича.

Гучков, не спуская глаз, смотрел на Романова. Нахмурив глаза на серьезном лице, государь после недолгого оформления протянул подписанные бумаги Гучкову.

- Прочтите, - в синих глазах императора блеснуло брезгливое выражение.

Гучков подобострастно просмотрел бумаги и видимо, чтобы узнать дальнейшие планы Романова нерешительно спросил:

- Что вы теперь собираетесь делать, Николай Александрович?

Ники невидящими глазами из-под надвинутых бровей скользнул по делегатам из столицы. Он испытывал самые разные чувства, у него внутри словно что-то надломилось. Прежде, чем ответить Романов бросил взгляд на темный лик Спасителя.

- Поеду в Могилев, чтобы проститься с войсками и повидаться со своей матушкой, а потом вернусь к своей жене и детям, – ответил Романов и у него мучительно сжалось сердце.

Шульгин, не скрывая своего торжества, нетерпеливо высказал послесловие. Ему явно не терпелось вставить свое слово в дискуссию, чтобы его труд не пропал даром.

- Ах, ваше величество, если бы вы раньше задумались, то всего этого не случилось бы, – внушительно промолвил Шульгин и сморщился, как будто от яркого солнца.

Бывший царь резко поднял голову и посмотрел на него с такой ненавистью, что тот на мгновение растерялся и уставился на него, как будто не понимая. В его голове возникло столько мыслей, что все перепуталось, но скоро на лице Шульгина появилось невинное выражение.

- Вы думаете, обошлось бы? – о чем-то глубоко задумавшись, недоуменно спросил Романов, и в его глазах выросло такое отвращение и презрение, что депутаты невольно опустили глаза вниз.

Напоследок лицо государя вспыхнуло, но больше он ничего не сказал. Стараясь заглушить в себе если не гнев, то раздражение, Ники беззвучно шевеля губами, прочитал короткую молитву. И хотя его лицо крупных морщинках не просматривалось в сумраке, но оно было слишком серьезным. В то же время его взгляд выглядел печальным и тревожным. Ники охватило чувство тревоги за свою судьбу, хотя он не был из тех, кто зубами цеплялся за жизнь.

Романова неоднократно предупреждали о грядущем перевороте, но он на это всегда неизменно отвечал, что на все воля божья. Что верно, то верно - разве судьбу обманешь?

Когда государь и депутаты расстались, Матвей Васильев взглянул на часы. Они показывали почти полночь, очередной акт драмы семьи Романовых закончился. Свержение с престола императора России свершилось. Получив в руки нужные документы и сыграв как по нотам

роли, актеры откланялись. Тяжелый вопрос мучивший делегатов весь вечер решился положительно. Они покинули сцену, не дожидаясь рукоплесканий из зала. Талантливо или нет они сыграли – это уже скажет русский народ и история.

Оставшись наедине, Ники прикрыл смятые веки и долго не решался прерывать молчания, что-то обдумывая. Он смотрел на икону и беззвучно шевелил сухими губами. Он всей душой хотел быть с семьей.

Не зная, куда деться от щемящей тоски и обиды, Романов вместе с Мордвиновым выскочил на перрон, чтобы подышать свежим воздухом. Стоявшие возле вагона конвойные казаки вытянулись в струнку.

- Можете снять с погон мои вензеля, – закурив папиросу, с горечью обронил Ники.

- Ваше величество, велите их догнать и убить! – вскрикнул с болью в душе казак, но Романов, выпустив изо рта дым, отрицательно покачал головой.

Мордвинов, досадуя на себя, что не может найти нужных слов, чтобы утешить бывшего царя попросил его не волноваться и легкомысленно добавил, что он же не напрашивался на российский престол. Пускай, дескать, теперь в Петербурге управляются с государством, как хотят, только что путного из этого выйдет.

- Но что будет с Россией? – с непередаваемой болью воскликнул Романов и его лицо перекосилось, как от боли.

В дрогнувшем голосе бывшего царя прозвучала жалкая нотка. От душевного потрясения Ники снова опустил смятые веки на глаза. По тому с какой горячностью сказал Романов, Матвей Васильев понял, что для него этот вопрос был наболевшим.

У Мордвинова по преданным глазам пробежало беспокойство. В его лице еще долго стояло расстроенное выражение. Он полностью разделял мысли и настроение Романова.

- Ваше величество, что вы теперь намерены делать? – тихо спросил полковник, понимая, что судьба бывшего царя изменилась к худшему.

- Все так быстро произошло, что я даже не знаю, что делать. У меня сегодня сердце не на месте. Я испытываю такое чувство, что будто кто-то исподтишка уколол шилом прямо в сердце, – растерянно проговорил Романов. – Скорее всего мы уедем всей семьей в Крым или в Костромскую губернию.

- Ваше величество, вам надо лучше отправиться за границу, – посоветовал Мордвинов.

- Ни за что! – воскликнул государь и его голос дрогнул, а лицо искривилось в мучительных муках. - Я слишком люблю Россию.

Мордвинов поглядел в его глаза и понял, что настаивать было бесполезно.

- Как бы чего не случилось, ваше величество!

Душа бывшего царя наполнилась такой изнуряющей тоской, как будто на его сердце положили кусок льда и в потемневших от горя глазах застыло столько неизбывной муки, что на него было больно смотреть. Романов всегда спокойный и ничем невозмутимый, был страшно утомлен и бледен. После длительного напряжения Ники чувствовал в коленях такую смертельную усталость, что готов был опуститься на колени. В тот вечер в Романове произошла большая перемена.

- Вам надо отдохнуть, ваше величество, а то на вас совсем лица нет.

- Не могу быть спокойным, душа болит за страну и семью, – с сокрушенным сердцем и со слезами на глазах промолвил Романов. - Лишь бы они не довели ситуацию до гражданской войны. Я чувствую, что это добром не кончится. Дорого обойдется России предательство генералов и чиновников.

- Ваше величество, крепитесь! – побелевшими губами произнес полковник.

- Они сильно заблуждаются, посчитав меня помехой на пути к своему счастью. Но когда они поймут это, будет уже слишком поздно.

- Это правда, ваше величество! – не изменяя выражения беспокойных глаз, ответил Мордвинов.

- Я исполнял свой долг так, как мне позволяла моя совесть, моя честь и мое умение, и никогда умышленно не уклонялся от исполнения служебных обязанностей, – с невольной обидой сказал Ники.

- Все верно, ваше величество.

- Я за свою правду готов голову на плаху положить.

Надышавшись свежим морозным воздухом, бывший царь с полковником вернулись в вагон, и там Романов ощутив в душе неимоверную тяжесть, припал к плечу флигель-адъютанта Мордвинова и безутешно разрыдался. Ники не смог совладать со своими чувствами, его напряженные нервы не выдержали. Переживания последних дней оставили глубокий след в его израненной душе.

Он понял, что вне власти для него не будет нормальной жизни. Оставшись в одиночестве Романов, как подстреленная птица опустился в кресло и, приложив скорбное лицо к ладоням, снова горько расплакался. Его беспокойство с каждой минутой стало возрастать, а мысли становились все мрачнее. Было уже совсем поздно, когда Ники, глубоко вздохнув, затих. Он молча просидел до самого рассвета. Романов ужаснулся тому, что случилось, но путь к возврату был закрыт.

На станции Дно Романов острее всего ощутил свое одиночество и свою нескладно сложившуюся жизнь. Тяжело переживая свою отставку, Ники мучительно пытался осмыслить все, что произошло с ним, но мысли упрямо скакали, как бешеные кони и ни на чем не останавливались. Романов без труда вошел в прошлые года, от набежавших воспоминаний он даже прикрыл глаза.

И вдруг в мыслях явственно появился раненый после покушения дед Александр II в окровавленных бинтах. Это произошло первого марта одна тысяча восемьсот восемьдесят первого года. Тогда его дед возвращался в Зимний дворец через Екатерининский канал и, поджидавший царскую карету на набережной террорист кинул бомбу, но Александр II после взрыва чудом не пострадал. Проскочившая несколько метров вперед карета, по приказу царя остановилась. В это время незамеченный царской охраной террорист бросил еще одну бомбу. Вторым взрывом несколько человек ранило и убило, а Александру II оторвало ноги. Царя в тяжелом состоянии доставили во дворец, где он потом в присутствии Ники умер. Это происшествие тогда глубоко потрясло Ники и запомнилось до конца жизни.

Несмотря на сумятицу, стало понятно, что со старой жизнью было кончено, поэтому государь постарался, как можно быстрее выйти из воспоминаний. Прогнав от себя все мысли, Романов вернулся в сегодняшнюю жизнь и приклонил голову, утомленную горькими мыслями на руки. Позабыв на время свою неустроенную жизнь, государь наконец-то заснул. Сказалась накопившаяся усталость от предыдущих бессонных ночей и сильных переживаний. В тот день Ники забылся тревожным и беспокойным сном. Ему снились то отец, то дед и другие предки.

После полуночи третьего марта императорский поезд отправился в Могилев. На станции Сиротино Ники известил телеграммой своего брата Михаила о том, что передал власть в его руки. Так корона первого Михаила Романова из далекой седой старины одна тысяча шестьсот тринадцатого года едва не оказалась на голове великого князя Михаила Александровича.

В те дни Романов мало спал, мало ел и мучительно искал выход из создавшегося трудного положения. В эти часы рядом с ним не оказалось ни одного близкого человека, кто бы мог поддержать его. Во время событий, потрясших основы государства до основания, никто из двадцати девяти царственных родственников не оказал поддержки Ники, напротив многие даже убеждали его отречься от престола. В те минуты Романов понял, что период его невезучей жизни еще не закончился, он только начался.

Грозные события последних дней черной тучей собрались над Домом Романовых. Они забыли про чувство самосохранения и неумолимо покатились к краю пропасти. Отставка Николая II принесет страшные страдания всему народу, беда никого не обойдет стороной. В том числе тех, кто изменил своему царю или струсил по какой-то причине. Если б Ники знал, какие потрясения и несчастья ждут его семью впереди.

Государь сделал все, чтобы не допустить поражения России в европейской войне, и чтобы его страна не погрузилась в пучину гражданской войны. В тот час здравый смысл был ни при чем. После предательства генералов и чиновников от огромной российской империи в ведении Романова остался лишь небольшой штат придворных и прислуги.

Священный синод русской православной церкви не усомнился в законности отречения божьего помазанника от престола и перестал поминать имя русского царя в своих молитвах. И в эти же окаянные дни в Екатерининском зале Таврического дворца революционеры сорвали со стены прекрасный портрет Николая II кисти Репина и, изрезав его ножом, растоптали сапогами.

Глава 4

Третьего марта одна тысяча девятьсот семнадцатого года на станции Орша в вагон Ники вбежал растерянный придворный. Бывший император заметил его потерянное лицо.

- Что случилось? – не на шутку встревожился Романов и его глаза широко раскрылись.

- Ваше величество, Михаил Александрович отрекся от престола!

- Брат отрекся? – вскочив на ноги, вскрикнул Ники.

Страшное известие острой шпагой пронзило сердце Романова. От бессонных ночей, от тоски и горькой обиды у него снова заболела душа.

- Да, ваше величество. Вот текст отречения великого князя.

Романов взял в руки бумажный лист и его лицо сделалось удрученным.

- Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол…

Не излив своего негодования, Ники уронил голову на грудь. На скуластом лице Романова выступил румянец. Его настроение резко изменилось, и какая-то щемящая тоска прихлынула к сердцу. Стало заметно, что бывший царь очень тяжело пережил поступок Михаила.

- Что теперь будет, ваше величество? – испуганно воскликнул придворный и увидел полный смертельной тоски и растерянности взгляд Романова.

Ники опустил глаза вниз, чтобы они не выдали его, затем хотел что-то сказать, но, так и не решившись, оставил его вопрос без ответа, потому что говорить ему было нелегко. В его воображении воскрес целый ряд воспоминаний, а потом вдруг всплыло четырнадцатое мая одна тысяча восемьсот девяносто шестого года. Под этой датой состоялось его священное коронование. День обручения с русским народом выдался превосходным, на голубом небе не было ни единого белого облачка.

По старой традиции коронация состоялась в Москве, многочисленные гости съехались в первопрестольную. Утром Ники и Аликс вышли из Петровского дворца на площадь, запруженную народом до отказа, и сразу же грянул выстрел из пушки. После этого раздались восторженные и оглушительные крики “ура”. Придворный оркестр заиграл “Боже царя храни”.

Взвод жандармов с главным полицмейстером пришел в движение. За ними пошли кубанцы, терцы в нарядной казачьей форме, представители разных сословий и народностей. За ними зашагали придворные служащие и лакеи. Следом двигались представители земств, городов, дворянства, купечества и представители иностранных государств со всей Земли.

Пушка дала второй выстрел, тут же ударили колокола всех московских церквей, и снова грянуло многоголосое, дружное “ура”. Когда Ники и Аликс в коронационных костюмах подо-

шли к Успенскому собору Московского Кремля, прозвучал третий выстрел из орудия. Виновники торжеств вошли в Успенский собор, заняли троны на возвышенном постаменте, после чего член Святейшего синода митрополит Санкт-Петербургский Палладий при поддержке Московского митрополита Сергия и Киевского митрополита Иоанникия и церковного хора, приступил к священному действию.

Все шло хорошо до тех пор, пока орден Андрея Первозванного не соскользнул с плеч Романова на пол. Многие из присутствующих сочли это за дурное предзнаменование. В расстроенных чувствах Ники водворил себе на голову большую корону и Аликс малую корону. Затем митрополит Палладий зачитал полный титул нового императора и совершил над Романовыми помазание святым миром и причащение к Святым Тайнам. Потом последовали салют, поздравления от депутаций со всей России, царская трапеза для российских подданных в Грановитой палате Кремля и высочайший прием послов и посланников.

В торжественные дни Кремль в первый раз осветила электрическая иллюминация, и впервые сняли фильм о коронации русского царя. Обручение с русским народом прошло пышно и красочно, если бы не случилось второе страшное предзнаменование. Спустя всего лишь несколько дней празднество омрачилось событием на Ходынском поле, где по случаю коронации по всему периметру поля настроили большое количество театров, балаганов и ларьков для народных гуляний и бесплатной раздачи четырехсот тысяч подарочных кульков.

И хотя праздничные гуляния намечались на десять утра, народ начал прибывать на Ходынское поле уже с вечера и к пяти утра на нем собралось полмиллиона человек. В это время кто-то распространил ложный слух, что ларечники начали раздавать подарки своим людям и что их на всех не хватит. Народ кинулся к местам раздачи подарков. Раздатчики, испугавшись, что толпа сметет их вместе с ларьками, стали кидать подарочные кульки в толпу. Образовалась давка, погибло и получило тяжелые увечья большое количество людей. Ники узнал о трагическом происшествии с большим опозданием. Обвенчанный на могучей державе Романов испытал сильные страдания и переживания. Царь долго не мог отойти от нечеловеческого напряжения.

Ники находился в состоянии воспоминаний несколько минут. Все это время он был серьезным и раздумчивым, чем когда-либо. Придворные тоже были молчаливыми и если говорили, то тихо.

Четвертого марта синий императорский поезд прибыл на станцию. В Могилеве было холодно, дул сильный ветер, по перрону летали снежинки. Вечером бывшего царя на перроне встречали великие князья, находившиеся в Ставке и офицеры Генерального штаба. На многих лицах читались оживление и тревога. Едва поезд остановился, гул голосов на перроне стих, и возникла тягостная тишина.

В раскрытой двери вагона показался генерал Граббе.

- Вы что-нибудь слышали об отречении государя? - спросил сдавленным голосом Граббе командира конвоя Галушкина.

- Да, ваше сиятельство, но никто в это не верит, – горестно воскликнул он.

- К большому сожалению это сущая правда, – сокрушенно подтвердил Граббе и подозвал к себе Алексеева. – Его величество ждет вас.

Проскочив мимо двух могучих казаков с обнаженными шашками, генерал-адъютант скрылся в императорском вагоне. Романов встретил Алексеева холодно. Генерал уязвил его самолюбие, Романов никогда не простит ему коварного поступка. Как этот человек мог обманывать его? Ведь генерал-адъютант был облечен им высшим доверием. Он же доверял ему как себе.

Через короткое время на дебаркадер выскочил личный ординарец Романова казачий вахмистр Пилипенко и подал знак Личному Конвою. Затем из вагона вышли генерал-адъютант и

государь в серой казачьей черкеске. Приложив руку папахе, Ники взволнованно поприветствовал конвойных казаков и его лицо немного оживилось.

- Здравия желаем, ваше императорское величество! – гаркнули в ответ казаки.

Романов поздоровался за руку с Галушкиным, потом с неестественной улыбкой подошел к великим князьям и крепко обнял их. Неожиданно они почтительно расступились, и взору Ники предстал огромный строй офицеров. Романов попытался убрать ненужную улыбку и не смог. Он вдруг почувствовал всей кожей лица какое-то жжение. Государь от увиденной картины впал в замешательство, и улыбка сама собой истаяла.

Тяжелые мысли не оставили в покое Ники, он почувствовал себя сильно взволнованным. В тот же миг прозвучала команда, чтобы все офицеры сняли с правой руки перчатку для рукопожатия с бывшим царем. Романов начал здороваться за руку с каждым офицером и не удержался от нахлынувших эмоций. Прикрыв лицо руками, государь широкими шагами вернулся в вагон. Он испугался, что его задавит непостижимое несчастье.

Утром Романов принял от Алексеева последний доклад. Ники с чистым, открытым лицом молча выслушал генерал-адъютанта и пригласил его на завтрак. Слуги поставили на стол скромный завтрак и чайные приборы. За чашкой чая Ники в подходящий момент попросил Алексеева передать Временному правительству две просьбы: чтобы разрешили беспрепятственный проезд императорского поезда в Царское Село и обеспечили безопасность его семьи и придворных.

На следующий день в полдень поезд вдовствующей императрицы остановился напротив поезда государя. Увидев на перроне сына, Мария Федоровна содрогнулась от неясной тревоги, и горячая волна материнской нежности подступила к ее сердцу. Ники же стоял в полном спокойствии и достоинстве.

Заметив в окне вагона, промелькнувшую фигуру матери, сын взволнованно кинулся к замершему на железнодорожном пути поезду. Растроганная Мария Федоровна выскочила из вагона и по-матерински обняла своего несчастного сына. Она заглянула ему в лицо и в ее душе что-то оборвалось. Заглянув в устремленные навстречу материнские глаза, Ники вымученно улыбнулся. Затем Романов по-братски поочередно обнял других особ.

- Мне очень жаль, Ники, – вымученно сказала мать. - Что же ты наделал?!

Менгден потянулась рукой за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть трепетную встречу матери с сыном и не смогла этого сделать, потому что они в это время, нисколько не сдерживаясь, разревелись. Со слезами на глазах мать с сыном прошли в неотапливаемый барак. Остальные остались дожидаться их на улице.

- Как все случилось? – почти шепотом спросила мать, когда они остались наедине и взволнованный сын, не выдержав ее взгляда, отвернулся и рассказал плачущей матери все подробности последних, трагических дней.

- Утром пришел Рузский и доложил, что имел разговор с Родзянко, во время которой тот сказал генералу, что положение в столице таково, что только мое отречение может успокоить ситуацию в столице. В ответ я потребовал мнение командующих войсками. Рузский передал мою просьбу Алексееву, а тот в свою очередь попросил командующих войсками прислать в Генеральный штаб свои ответы. Вскоре Рузский явился ко мне с телеграммами и вывалил их передо мной на стол. И все командующие, кроме хана Нахичеванского, высказались за мое отречение от престола. Адмирал Колчак в плебисците не участвовал. Первого марта поздним вечером из Петрограда для переговоров приехали Гучков с Шульгиным. Второго марта я подписал Манифест о своей отставке.

Романов рассказывал, значительно раскрывая утомленные глаза.

- Ники, тебе надо было тверже проявлять свою волю, и тогда бы этого не произошло, – в нравоучительном тоне произнесла мать. - Известие о твоем отречении повергло меня в ужасное состояние.

Замечание матери отозвалось болью в груди сына.

- Ну что ты мама. Поверь, мне тоже было нелегко, – потрясенно сказал Ники и страдальчески поморщился. – Я испытывал такие сердечные боли, что мне казалось, что я вот-вот умру. Понимаешь, я даже сердцебиение в груди не чувствовал. Но как только я встал перед образом Пречистой Девы, невыносимая боль отошла. Лучше бы я умер мама, как мой отец.

- Ники, если бы ты был в Петрограде, то возможно революции не случилось бы или она не завершилась бы столь успешно, – не отрывая глаз от сына, проговорила Мария Федоровна - Они воспользовались твоим отсутствием в столице.

- Я выехал в Могилев по просьбе Алексеева, – Ники тяжело передохнул. - Демократы опять нанесли смертельный удар по нашей матушке России. Как они могут так поступать. Как они могут желать поражения своей родине? Мы же были уже на пороге победы! У меня это в голове не укладывается. Сейчас я не о себе думаю, а о своей Родине.

Мария Федоровна внимательно слушала речь сына.

- Они выманили тебя обманом из Петрограда, – горько сказала мать. - Что теперь будет, Ники?

- Не знаю. Я им дал все, чего они добивались. В стране создали парламент, политические партии, а свободы стало столько, - какой ни в одной стране мира нет. Мы достигли больших экономических успехов. Чего им еще нужно было? Завершили бы войну и тогда мы добились бы всего, чего желаем.

- Это ужасно! Судьба стала злой к Романовым. Она неумолимо тащит нас в пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.